
А. Б. ГЛОЗМАН

ТЕХНИКА КАК ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА

Среди множества подходов к определению сущности техники в философии техники доминирующими являются два: «техника есть *деятельность*» и «техника есть *средство деятельности*». Первый подход получил название антропологического, второй – инструменталистского.

В антропологическом ракурсе техника предстает как атрибут человеческого бытия, как способ самореализации человека и выражение его творческой деятельной природы. Современный немецкий исследователь А. Хунинг отмечает, что в антропологической интерпретации правильно стремятся объяснить все виды техники как выражения человека и нисходящих форм, интегрированных человеческой природой¹. Он разделяет основные идеи Э. Каппа и, по существу, повторяет его выводы: «Всякий раз, когда мы делаем или воспринимаем технические артефакты, мы приходим к познанию самих себя, мы воспринимаем в них самих себя. Техника во все исторические моменты выражает людей и идею человечности данного времени»².

В 60–70-е гг. XX в. в отечественной литературе взгляд на технику как на деятельность подвергался решительной критике. Присущий главным образом западным исследователям, таким как Ф. Дессауэр, О. Шпенглер, М. Хайдеггер, К. Ясперс и др., а также и некоторым не до конца признанным в своем отечестве русским – П. К. Энгельмейеру и Н. А. Бердяеву, – он был определен как «антропологизаторский», что призвано было отразить негативное

---

¹ Хунинг, А. Homo mensura: люди – это их техника – техника присуща человеку // Философия техники в ФРГ / пер. с нем., англ.; сост. и предисл. Ц. Г. Арзаканяна, В. Г. Горохова. – М.: Прогресс, 1989. – С. 393.

² Там же. – С. 399.

к нему отношение, подчеркнуть его неубедительность и сомнительную научность. Отмечалось, что для приверженцев «антропологизма» в технике «характерно стремление абсолютизировать человеческую деятельность, свести к ней технику, игнорируя или преуменьшая роль искусственно созданных средств труда»³. Но такое понимание техники в корне неверно, техника – это не деятельность и не творчество, техника – это «совокупность... материальных средств... деятельности», средств «активного воздействия на природу»⁴. То есть «технике-деятельности» однозначно противопоставлялась «техника-средство».

Что же следует понимать под техникой-деятельностью? Каким содержанием наполнять данное понятие? Как соотносится «техника-деятельность» с «техникой-средством»? На эти вопросы в философии техники на сегодняшний день нет убедительных ответов.

Техника как деятельность – недостаточно четко очерченная и весьма мало разработанная в философской науке тема. Хотя само по себе понятие «техника-деятельность» фигурирует в исследованиях, оно зачастую либо просто ассоциируется с антропологическим пониманием техники «вообще», либо соотносится с личностными действиями специалистов и исполнителей, а иногда не имеет ни к технике, ни к техническим специалистам никакого отношения. Указание на деятельностную сущность техники обретает в литературе декларативный, «констатирующий» (техника есть деятельность) характер, но «деятельностное» *по его существу* в явлении техники за редким исключением не наполняется качественным содержанием. В ряде случаев оно вообще противопоставляется инструменталистскому: происходит как бы размежевание двух «разных» техник – «техники-средства» и «техники-деятельности».

«Когда-то ясное понимание техники как системы орудий, механизмов, машин и сооружений сегодня все больше воспринимается как натуралистическое, поверхностное представление, которое необходимо преодолеть»⁵, – отмечается во «Введении в философию техники». О необходимости такого «преодоления» можно

---

³ См.: Мелешенко, Ю. С. Техника и закономерности ее развития. – Л., 1970. – С. 15.

⁴ Там же. – С. 50.

⁵ Горохов, В. Г., Розин, В. М. Введение в философию техники. – М., 1998. – С. 60.

прочитать и в других публикациях⁶, однако впервые на недостаточность инструменталистской характеристики техники обратил внимание О. Шпенглер. «Для того чтобы понять сущность технического, – пишет О. Шпенглер, – нельзя исходить из машинной техники... технику нельзя понять, отправляясь от инструментов»⁷. То же самое утверждает М. Хайдеггер. Не совсем верно думать, однако, будто инструменталистскую трактовку техники М. Хайдеггер считал не заслуживающей внимания, как иногда представляют его позицию в литературе⁸. Она становится тривиальной, если *только этим* и ограничивается ее понимание: «Одно лишь инструментальное, одно лишь антропологическое определение техники в принципе несостоятельно; его нельзя реабилитировать, даже подключив к нему задним числом метафизическое или религиозное истолкование»⁹. М. Хайдеггер не игнорирует того факта, что техника есть предметно-вещная структура, инструмент, выполняющий функции средства. Вне учета этих субстанциальных характеристик техники любое «сущностное» определение ее было бы не просто неполным, а ущербным. И Хайдеггер не отбрасывает их, а, напротив, рассматривает как условие раскрытия подлинной сущности техники: «Шаг за шагом спрашивая, что такое, собственно, техника как **средство** (выделено мной. – А. Г.), мы придем к раскрытию потаенного»¹⁰. Он выступает лишь против понимания техники как *нейтрального* средства, то есть утверждает мысль об опасности, которая подстерегает человека в случае недооценки им ее истинной сущности. По Хайдеггеру, не техника есть послушное орудие в руках человека, а, наоборот, сам человек отдан в ее власть, «выдан» ей, «затребован» ею¹¹. То есть здесь дается не определение техники, а имеет место лишь ее *оценочная* характеристика, отражение ее «бытийной» сущности.

⁶ См., например: Игнатъева, И. Ф. Антропология техники: Человек как субъект мира техники. – Екатеринбург, 1992. – С. 6; Негодаев, И. А. Философия техники. – Ростов н/Д., 1997. – С. 27.

⁷ Spengler, O. Der Mensch und die Technik. – München, 1932. – S. 6–8.

⁸ См.: Игнатъева, И. Ф. Указ. соч. – С. 6.

⁹ Хайдеггер, М. Вопрос о технике / М. Хайдеггер // Время и бытие. – СПб., 2007. – С. 318.

¹⁰ Там же. – С. 311.

¹¹ См.: Новая технократическая волна на Западе / сост. П. С. Гуревич. – М., 1986. – С. 9.

В «преодолении» же инструменталистского понимания техники у ряда отечественных авторов, несмотря на словесное признание его правомерности, сквозит оттенок его «ущербности», стремление как бы «задвинуть» его на задний план. И предпринимаемый вслед за этим какой-либо другой, например социокультурный, подход, призванный раскрыть истинную сущность техники, ставится едва ли не в противоположность первому¹². То есть опять-таки инструменталистское невольно противопоставляется антропологическому, что свидетельствует об определенной недооценке орудийного аспекта техники, о его «несущественности» в рамках философской рефлексии. Между тем социальная (социокультурная) сущность техники, в том числе и как фактора наследования человеческого опыта, раскрывается исключительно через отражение диалектики развития ее орудийности. В совершенствовании орудийности выражается направленность и характер совершенствования сущностных сил человека, способ их опредмечивания, конституирование человеческих субъектных качеств.

Развитие техники как *средства деятельности* отражает этапы становления человека как *субъекта деятельности*. Первоначально (исторически) человек выступал и субъектом деятельности, и ее средством, был в одно и то же время и носителем, и орудийным исполнителем своих целей. По мере развития его сущностных сил происходит вначале медленное, а затем все убыстряющееся размежевание между целевыми и исполнительными компонентами его деятельности. Исполнительные механизмы приобретают предметную и все более совершенную форму, восходя от уровня элементарных, примитивных инструментальных средств труда (на заре становления общества) до состояния монотехнической производственной системы – опредмеченного «технологического субъекта производства» (в постиндустриальную эпоху).

Сущностное осмысление техники, отражение ее многоаспектности, ее связей с базисными элементами общества, культурой, экономикой, ценностными ориентациями и т. п. совершенно не входит ни в какое противоречие с ее орудийностью, а, напротив, подчеркивает, что именно это качество обуславливает весь возни-

---

¹² Игнатъева, И. Ф. Указ. соч. – С. 5–6.

кающий впоследствии комплекс социальных проблем: экономических, экологических, политических, нравственных и др., побуждая к ее (техники) философской рефлексии. За социально-культурной, психологической, ценностной и т. п. оболочкой всегда проступает техника – *instrumentum*, техника – артефакт, техника – орудие. Хайдеггеровский «постав» не есть техника и не есть техническое, хотя выводит он его из факта их существования. «По-ставом называется тот способ раскрытия потаенности, который правит существом современной техники, сам не являясь ничем техническим, – пишет М. Хайдеггер. – К техническому же относится все знакомое нам в виде всевозможных станков, станов, установок и служащее составной частью того, что именуется производством»¹³. Но Хайдеггера не интересует «техническое», он вообще анализирует не собственно технику, а техногенное бытие человека, его место и участь в техногенном мире.

Из этого вовсе не следует необходимости «преодоления» инструменталистского понимания техники, его «отбрасывания». В «преодолении» нуждается иное – упрощенное восприятие инструменталистского, те ассоциации, что возникают в ходе отражения предметно-вещной природы техники. Для большинства интеллектуалов техника – материальная вещь. Она в их видении не перерастает границ своей материальности. Однако беда не в этом – при всех самых абстрактных и образных определениях, техника не утрачивает данного свойства, – а в том, что техническое вещное воспринимается в сознании как «просто» вещное, то есть низводится, упрощается до состояния рядового материального предмета. В тех же случаях, когда стремятся воздать должное вещному («телу» техники), не совсем верно, с нашей точки зрения, определяют его место и роль в системе сущностных характеристик техники. «Тело техники (технические артефакты) характеризует технику в узком смысле слова», – верно отмечает И. Ф. Игнатьева, но тут же добавляет, что «такой смысл... позволяет более четко выяснить ее сущностные характеристики, место в диалектике субъекта и объекта, роль в культуре и цивилизационном процессе»¹⁴. Представляется, однако, что «тело техники» позволяет рассматривать прежде

---

¹³ Хайдеггер, М. *Время и бытие*. – С. 318.

¹⁴ Игнатьева, И. Ф. *Указ. соч.* – С. 41.

всего ее субстратное и структурное содержание. Сущность же вытекает из ее *орудийности*, *функциональности*, преломленных через исторически меняющийся под ее воздействием социум, то есть из того, что она есть **средство**, а не тело (вещь). С «телом» техники могут быть связаны и негативные явления. Однако, опять-таки, объяснение их посредством простого количественного накопления технических изделий представляется недостаточно убедительным. «Именно накопление материальных технических артефактов в результате их серийного производства, – отмечает цитируемый автор, – порождает те основные проблемы, от которых зависит дальнейшая судьба современного человека: проблемы экологии, ресурсов, влияния техники на культуру, быт и т. д.»¹⁵.

О каких именно «технических артефактах» идет здесь речь, судить трудно, однако в любом случае понятно, что куда более существенную роль в возникновении названных проблем играют качественные, а не количественные характеристики техники. Если бы количество простых инструментов (кос, вил, топоров...) возросло даже в тысячу раз, это не породило бы экологического кризиса, радиоактивные же выбросы, отходы химического производства и т. п., обусловленные качественным состоянием техники, его порождают. Негативное воздействие данных факторов, конечно же, усугубляется и их количественным накоплением.

Техническое – особый вид «вещественного». Сохраняя свою материально-предметную форму, оно представляет собой «инобытие» человеческого духа, человеческой рациональности, недоучет которых при выявлении сущности техники принципиально искажает ее смысл. В технике воплощено единство духовного и материального, их взаимопроникновение и взаимопревращаемость.

«Техника всегда представляет собой прежде всего фактически обнаруживаемый феномен. Поэтому ее действительные признаки не могут быть выведены из некоторого логически-надвременного созерцания сущности, невзирая на конкретный эмпирический опыт», – отмечает В. М. Розин¹⁶. В то же время при определении техники, замечает он, сущность ее «нельзя задавать как объект, как

---

¹⁵ Игнатъева, И. Ф. Указ. соч. – С. 41.

¹⁶ Горохов, В. Г., Розин, В. М. Указ. соч. – С. 62.

прямое описание того, что такое техника»¹⁷. Сущность техники гораздо сложнее. Ее раскрытие сопряжено с отражением в сознании большого комплекса представлений, позволяющих осмыслить технику, объяснить парадоксы ее развития.

Необходимое для осмысления и описания техники категориальное пространство, согласно В. М. Розину, включает в себя рассмотрение ее в четырех основных планах: 1) техника как сфера деятельности, природы и культуры; 2) техника как искусственная предметность («артепредмет» и аспект технологии); 3) техника как историческая и культурная форма использования сил природы; 4) техника как демиургический комплекс (деятельность), то есть особый современный способ существования и реализации идей и действий человека¹⁸.

Первый план отражает деятельно-природную основу техники: техника – это реализуемая посредством природы деятельность. В то же время это бытие культуры, осуществляющееся по особым законам – законам идей, культурных форм сознания, культурных смысловых представлений мира.

Однако данный план не схватывает материальную субстанцию техники, то есть данные в ощущении материал, конструкцию, вид технических сооружений¹⁹. Характеристика техники без отражения ее «видимой» стороны, вне ее предметности не может быть полной. Эту задачу решает второй план, здесь техника предстает в ипостаси «артепредмета», который по аналогии с артефактом рассматривается как искусственное образование. Кстати, эту орудийно-предметную сторону техники в другом, ранее вышедшем коллективном труде, одним из авторов которого является цитируемый исследователь, он в ряду других характеристик техники ставит на первое-второе места. Сначала техника анализируется им как *артефакт* (искусственное образование), затем как *инструмент* (средство, орудие), далее как *самостоятельный мир, реальность* (то есть некая противоположность и природе, и искусству, и языку, и вообще всему живому, включая и человека), в следующем ракурсе как *специфический инженерный способ использования*

---

¹⁷ Горохов, В. Г., Розин, В. М. Указ. соч. – С. 70.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. – С. 72.

сил и энергий природы и, наконец, как *широко понимаемая* технология²⁰.

Нетрудно заметить, что при всех вариантах, при всех интерпретациях, вычленении различных характеристик техники автор утверждает в ней по крайней мере две взаимосвязанные стороны – орудийную (*средство* деятельности) и собственно деятельностьную. Но наиболее органично взаимосвязь этих сторон проявляется у данного исследователя в ходе осуществления им философско-методологического анализа техники в труде «Философия техники: история и современность». Здесь эти стороны предстают, по существу, как ее единая совокупная сущностная детерминанта. Координатное пространство, в котором в данном случае описывается техника, задается такими категориями, как «техничко-использующая деятельность», «техничко-производящая деятельность», «техническое сооружение» и «техническая среда»²¹.

В «примирении» орудийно-предметного и деятельностьного видения техники в отечественной литературе отчетливо просматривается влияние М. Хайдеггера. Он приводит два известных суждения о технике: «Одно гласит: техника есть средство для достижения целей. Другое... техника есть известного рода человеческая деятельность. Оба определения... говорят об одном. В самом деле, ставить цели, создавать и использовать средства для их достижения есть человеческая деятельность»²². Из данной выдержки следует, что техника, по Хайдеггеру, как бы одновременно есть и «средство», и «деятельность» – «оба определения... говорят об одном». Однако дальнейшие его рассуждения создают прецедент для своеобразного «разведения по разным углам» этих двух характеристик техники. «Примелькавшееся представление о технике, согласно которому она есть средство и человеческая деятельность, можно поэтому назвать инструментальным и антропологическим определением техники»²³. Вот этот-то «разделительный» оттенок и закрепился в отечественной литературе. «В инструменталистском определении, – ссылаясь на Хайдеггера, отмечает О. Д. Симоненко, –

---

²⁰ См.: Философия техники: история и современность / под ред. В. М. Розина. – М., 1997. – С. 59–61.

²¹ Там же. – С. 64–65.

²² Хайдеггер, М. Время и бытие. – С. 306.

²³ Там же. – С. 307.

техника – средство деятельности, а в антропологическом – человеческая деятельность»²⁴. То есть теперь уже техника – либо средство, либо деятельность в зависимости от ракурса ее рассмотрения.

Разделение техники на две ипостаси – средства и деятельности – иногда рассматривается как методологический прием, позволяющий более детально исследовать каждое из ее сущностных проявлений²⁵. Наибольший интерес вызывает при этом то содержание, которое вкладывается исследователями в понятие «техника-деятельность». Но нередко оказывается, что в ипостаси деятельности техника предстает не как *собственно техника*, а как совокупность существующих «самих по себе» целеполагающих и созидательных *действий*, в лучшем случае направленных на ее (техники) производство и использование²⁶. Практически речь здесь ведется уже не о технике *как таковой*, а о другом феномене – о деятельности, ее сущности, инженерной разновидности, структуре и т. п., иногда – о технике как мастерстве, искусстве... О предметно-орудийной технике *в ипостаси деятельности* мы ничего нового не узнаем – чем она была до этого рассмотрения, тем и осталась после.

Весьма показательными в этой связи являются высказывания И. А. Негодаева. «С одной стороны, – пишет он, – техника выступает как специфический вид человеческой деятельности, с другой – как средство этой деятельности. В первом случае речь идет *о технической деятельности* (выделено мною. – А. Г.), направленной на преобразование природных факторов в социальные»²⁷.

То есть здесь происходит как бы размежевание двух понятий: с одной стороны – деятельность как таковая (при этом не возникает ассоциаций с понятием «техника», разве только что эта деятельность названа технической), с другой – средства деятельности, собственно техника.

В принципе это утверждение можно было бы интерпретировать так, что техника «в одном лице» выступает *и* средством, *и* технической деятельностью, но тогда в главе «Техника как деятельность»,

---

²⁴ Симоненко, О. Д. Сотворение техносферы: проблемное осмысление истории техники. – М.: SvR-Аргус, 1994. – С. 30.

²⁵ Такая попытка предпринимается, в частности, в кн.: Негодаев, И. А. Указ. соч.

²⁶ См., например: Степин, В. С., Горохов, В. Г., Розов, М. А. Философия науки и техники. – М., 1995. – С. 293.

²⁷ Негодаев, И. А. Указ. соч. – С. 149.

призванной отразить деятельностный аспект техники, разговор должен был бы идти о ней в этом *специфическом* ее проявлении. Однако речь здесь ведется о другом – о творчестве, об инженерной деятельности, ее особенностях и т. п. Не техника предстает здесь как деятельность, а деятельность (духовные и физические действия людей) – как техника, то есть фактически осуществляется переход от широкого смысла понятия техники к анализу его второго значения, к тому содержанию термина, как он понимался в античности – искусство, мастерство.

То же мы находим у философа техники из ФРГ Ханса Закссе. «Средства, которые применяет техника, могут выступать в виде орудия для изготовления орудия, в виде инструментов, производственного оборудования..., но также и в виде методов и способов действия»²⁸. Данное утверждение опять-таки не вызывало бы возражений, если бы сами «орудия, инструменты и производственное оборудование» рассматривались как особые «методы и способы действия». Но из дальнейших рассуждений автора вытекает другое: «орудие и метод» – это не *двудеиная* характеристика *одного и того же* явления (техники), а качества, присущие разным явлениям, обозначаемым лишь общим понятием: «Понятие техники выходит за рамки инженерной техники, оно охватывает также <...> и технику нанесения мазков кистью, которую применяет художник, ...технику дыхания, которую практикует певец, то есть все специальные методы, позволяющие лучше достигать чего бы то ни было»²⁹. Одним словом, техника – это «особая форма действия»³⁰.

Как «совокупность действий знающего человека» интерпретирует технику и К. Ясперс³¹. «...Техника – это умения, методы, которые являются внешними по отношению к цели»³², – пишет он.

Нередко в понятие техники в стремлении более глубоко отразить ее сущностные особенности включают человеческие навыки, приемы, мастерство (Ф. Готтль-Оттлиенфельд, Е. Ольшевски, В. И. Кобзарь, Ю. И. Солонин, Н. И. Иванов и др.). Но это весьма

---

²⁸ Закссе, Х. Что такое альтернативная техника? // *Философия техники в ФРГ*. – М., 1989. – С. 425.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. – С. 424.

³¹ Ясперс, К. *Смысл и предназначение истории*. – М., 1991. – С. 115.

³² Там же. – С. 117.

незначительно продвигает нас в понимании ее деятельностной природы – к технике просто «подмешиваются» некоторые «технологические» характеристики. «Чем человек воздействует на объекты, изменяя их, – это техника, – пишет В. Е. Давидович. – И как именно он воздействует – это тоже техника, но уже обнаруживающая себя как *технология*»³³. То есть хотя в обоих случаях фигурирует один и тот же термин, смысл выражается разный.

Сводить понимание «техники-деятельности» к совокупности личностных действий (пусть даже сопряженных с использованием техники) неправомечно, равно как и подразумевать под «техникой-средством» отвлеченную от ее деятельностной природы вещную структуру.

Техника-средство (орудие, инструмент) не в аллегорическом смысле, не в каком-то «другом» отношении или какой-то «другой» связи, а *по своему существу, в то же самое время* представляет собой деятельность – независимо от того, включены или не включены в ее определение личностные умения, сноровка, знания использующих ее людей. Не деятельность как *форма отношения человека к миру* есть техника, а техника как *орудийное средство данного отношения* есть деятельность. Техника-средство *обнаруживается* в технике-деятельности, техника-деятельность *раскрывается* в технике-средстве. Такая двуединая сущность техники предопределена спецификой социального (орудийного по своей природе) способа освоения действительности.

В ситуациях, когда техника-деятельность рассматривается вне предметной и логической связи с техникой-средством, по существу, возникает «равенство» между понятиями «техника есть деятельность» и «деятельность есть техника». Между тем данные утверждения содержат абсолютно разные смыслы. В первом указывается на многозначность, особую глубину содержания понятия техники, на то, что сущность ее не ограничивается вещностью и артефактностью. Во втором – понятие «техника» используется как синоним. Более того, уподобление деятельности технике существенно упрощает и «обедняет» деятельность – она сводится к набору алгоритмических действий, к механическим приемам.

---

³³ Философия: учебник для высш. учеб. заведений – Ростов н/Д.: «Феникс», 1998. – С. 518.

Если строго подойти к проблеме, то следует признать, что из трех заявляющих о себе способов постановки вопроса о соотношении техники и деятельности – «техника как деятельность», «техника и деятельность» «деятельность как техника» – к «епархии» философии техники относятся лишь два первых. Третий должен быть отнесен к праксеологии. В ее-то задачу как раз и входит описание элементов, форм и техники рациональной деятельности (Т. Котарбинский)³⁴. Однако многие философы (А. Гелен, Ж. Эллюль, А. Эспинас, К. Ясперс, Х. Закссе и др.) переносят отдельные праксеологические прерогативы в область техники.

«Термин “техника” (technique), так, как я его понимаю, – пишет Ж. Эллюль, – не обозначает машин, технологии, тех или иных процедур для достижения какой-либо цели. В нашем технологическом обществе техника есть совокупность методов, полученных рациональным путем и обладающих абсолютной эффективностью (на данной стадии развития) в каждой области человеческой деятельности»³⁵. Ж. Эллюль проводит различие между понятиями «феномен техники» и «технические операции». «Технических операций» огромное множество, они ограничены конкретными контекстами, в рамках которых проходят свою реализацию. «Техника» же одна. Ее проявление обнаруживается «в чисто современном способе изготовления и использования артефактов, заключающем в себе тенденцию доминирования над всеми видами человеческой деятельности и объединения их в себе»³⁶.

«Не обозначая машин», «не обозначая технологии», техника у Ж. Эллюля, таким образом, выступает в виде всеобщих методологических принципов – это новый способ бытия человека в мире, нечто подобное хайдеггеровскому *Gestell*, а именно то, что направляет и преобразовывает человеческую деятельность.

Следует отметить, что и само ранее приведенное хайдеггеровское высказывание о технике не раскрывает всей глубины ее *деятельностной* сущности, но и оно, и все другие приведенные формулировки и определения в той или иной степени соотносимы с нею.

---

³⁴ Котарбинский, Т. Трактат о хорошей работе. – М., 1975. – С. 20–33.

³⁵ Цит. по: Митчем, К. Что такое философия техники? – М., 1995. – С. 66.

³⁶ Там же. – С. 50.

Техника есть деятельность не только потому, что процессы ее созидания и использования содержат в себе элементы творения, предопределены и предопределяют рациональные действия людей (хотя и по этим основаниям тоже). И, конечно, не потому, что она, как пишут В. И. Кобзарь и Ю. Н. Солонин, «становится все более неотделимой от человеческой деятельности»³⁷. Отражение ее *деятельностной* сущности не предполагает «большей» или «меньшей» связи с практическими действиями, точно так же, как она не может быть в большей или меньшей степени «средством». Либо она «средство», либо нет. Но во втором случае она уже не «техника», а нечто другое.

Деятельностный характер техники проистекает из предопределенности ею деятельности как *особого* социального феномена, деятельности *как таковой* (а не отдельных рациональных действий). Социальное начинается с изготовления орудий, и типология «социальности» коррелирует с их качественной дифференциацией, находится в диалектической связи с их состоянием и развитием. Основанием становления техники в качестве определяющего условия и решающего фактора социального бытия является ее *орудийно-производственный* статус. Сознательное изготовление и использование орудий выделяет человека из природного мира, подчиняет его определенным социальным алгоритмам поведения. «С тех пор как человек социализировался, техника выступает как род социальной деятельности»³⁸.

Свойство деятельности логически вытекает из исторически предопределенной миссии техники – быть *орудийным средством*. Техника есть деятельность, *поскольку* она есть средство.

Деятельностную детерминанту техники выражает ее **интенциональность** – она не создается «просто так», а выступает единством *мотива* и *цели* – основных компонентов структуры деятельности. Содержа «собственную» цель (быть опосредующим звеном), она скрывает в себе мотивированные будущие действия, направленность на «другие» цели. Все запрограммированные действия ее, производимые с человеком или без него, целесообразны.

---

³⁷ Кобзарь, В. И., Солонин, Ю. Н. Техника как средство и деятельность // Наука и техника: Общетеоретические проблемы развития. – М. – Л., 1977. – С. 119–120.

³⁸ Парсонс, Г. Л. Человек в современном мире. – М., 1985. – С. 89.

Вне деятельностной сущности техника утрачивает свой атрибутивный смысл. И в антропологическом измерении она не перестает быть *средством*, и в инструменталистском – не перестает быть *деятельностью*.

Инструменталистское – это орудийное, а следовательно, антропологическое (человеческое, социальное). Орудийность – связующее звено между техникой-средством (инструментом) и техникой-деятельностью. Оно и предопределяет характер и направленность философской рефлексии техники. Так или иначе, в явной или скрытой форме в центре философского анализа оказываются именно те средства деятельности, которые лежат в основе исторически определенного технологического способа производства, средства, обеспечивающие *бытие социума* и отражающие его *качественное состояние*.

К. Маркс называл технику «производительными органами общественного человека». В этом определении уже обозначен ее деятельностный характер, и то, что он писал о технологии, вполне приложимо к технике – она обнаруживает «активное отношение человека к природе, непосредственный процесс производства его жизни, а вместе с тем и его общественных условий жизни и протекающих из них духовных представлений»³⁹.

Техника есть деятельность и как инобытие идеи. По Гегелю, идея деятельна сама по себе. Техника – не абстрактная, а конкретная (материализованная) идея, целевой предрасположенностью которой является деятельность. Центральной задачей всего своего философского учения Гегель считал обоснование *деятельной* природы абсолютной идеи. Но еще Р. Декарт отмечал, что мышление существует только тогда, когда оно *функционирует*, только тогда оно есть.

То же – и техника. Ее смысл – в ее функционировании. Она деятельна по своей сути. Техника – практически реализующая свою сущность идея. Все *деятельностные* характеристики техники проявляются в ней в ходе реализации ее как *средства*. Функционирующая техника – материализация деятельности.

Таким образом, как предмет философского анализа техника – это нерасчлененное единство *средства и деятельности, условия деятельности, фактор становления, существования и развития человеческого общества*.

---

³⁹ Маркс, К., Энгельс, Ф. Собр. соч. – Т. 23. – С. 383.